

Венсан Кассель повзрослел, но не успокоился

Тьерри КЛИФА

Звезды на полосах

В 90-е годы французское кино подарило миру одно из самых ярких открытий – молодого актера Венсана Касселя. В России он известен по фильмам “Доберман”, “Ненависть”, “Жанна Д’Арк”. В настоящее время на экраны России выходит новый фильм с участием Касселя – “Братство волка”, где он снялся со своей женой Моникой Беллуччи.

– За последний сезон вы снялись в чрезвычайно успешных фильмах “Пурпурные реки” и “Братство волка”, в настоящее время заканчиваете сниматься в англоязычном фильме с Уилемом Дэфоу, скоро начнете играть в фильме Жака Одиара “На моих губах” (Sur mes lèvres). Каково чувствовать себя суперзвездой?

– Я чувствую себя на своем месте. Хорошо, что эти фильмы имели успех, потому что они были сняты в первую очередь для зрителей. “Пурпурные реки” должны были открыть для европейского кино новые двери, помочь финансировать более крупные проекты. Мы выиграли пари, доказав, что европейское жанровое кино может быть конкурентоспособным.

– До этого вас не было видно в кино почти год.

– Я отказывался от всех предложений, надеялся, что мне удастся поставить мой фильм. Потом мне надоело говорить “нет”. Как раз в это время Матье предложил мне “Пурпурные реки”. Я согласился и бросился в другую крайность – начал сниматься без передышки. Сначала я отказался играть в “Братстве волка”, но потом сам пришел просить, чтобы меня взяли.

– Почему же вы сначала отказались?

– Потому что в том сценарии, что мне прислали, мой персонаж был слабо прописан. Конечно, мне очень хотелось работать с Кристофом Ганом, но мне не хотелось попадать в ту же ловушку, что и в “Добермане”, когда мне пришлось защищать персонажа, не имеющий плоти. Очень трудно сделать героя интересным, если над ним не потрудились сценарист.

– И тогда Кристоф Ган переработал роль?

– По правде говоря, у меня даже не было времени поговорить с ним. Спустил некоторое время я увидел сценарий в руках Моника – ей предложили главную женскую роль. Она уговорила меня перечитать сценарий, сказав, что с тех пор, как я держал его в руках, он сильно изменился. И действительно, к этому времени герой стал именно таким, каким я хотел бы его сыграть, – сложным, противоречивым персонажем. Я скорее бросился звонить Гану и его продюсерам, начал убеждать их, что я ошибся и что они должны меня простить. Я даже сбежал со съемок “Пурпурных рек” ради того, чтобы сниматься в этом фильме. Там получилась большая задержка – из-за снега мы оказались заблокированы в горах. Продюсеры не хотели меня отпускать, хотя перед началом съемок мы обо всем договорились. Пришлось идти к Матье и объяснять ему, что, как бы мне ни хотелось продолжать сниматься, меня ждут в другом месте. Потом я сел в машину и поехал искать съемочную группу Гана. День я работал у них, ночью возвращался обратно и на следующий день снимался в “Реках”. И так – почти две недели.

– Вас удивил успех “Пурпурных рек”?

– Конечно, этот фильм не совсем удался, но я рад, что зрителям он понравился. Он удивительно красиво снят, это хорошее развлечение.

– Вы можете принять точку зре-

ния тех людей, которые обвиняют вас с Матье – создателей “Ненависти” – в том, что вы перешли в коммерческий кинематограф?

– Я могу их понять. Но это не значит, что я полностью с ними согласен. Еще раз повторяю – прежде всего нужно знать, ради чего снимаешь фильм. Мы хотели сделать жанровое кино, которое было бы прежде всего развлечением. Просто хорошее профессионально сделанное кино, в котором мы не пытаемся ничего доказывать. В мире очень много фильмов, которые делались именно с такими намерениями, и многие из них мне нравятся. Кто упрекнет Скорсезе за то, что он снял “Мыс страха”?

– В фильме между вашим героем и героем Жана Рено складываются отцовско-сыновние отношения. А как они сложились за кадром?

– Это было сложнее. Как и мой герой, я восхищался Жаном задолго до нашего знакомства. Но я не захотел оказываться в положении восторженного фаната. Когда он мне говорил: “По-моему, здесь тебе лучше поступить так...” – я посылал его к черту, и его это ужасно забавляло. Жан не играл со мной ни в отца, ни в старшего брата. Хотя, наверное, ему приятно, когда его видят в таком свете. Это очень щедрый человек, очень приятный в общении, всегда готовый помочь.

– Можно ли считать случайностью, что в “Пурпурных реках” у вас такая же прическа, как и в жизни? Или это свидетельствует о том, что вы стали относиться к своей внешности терпимее?

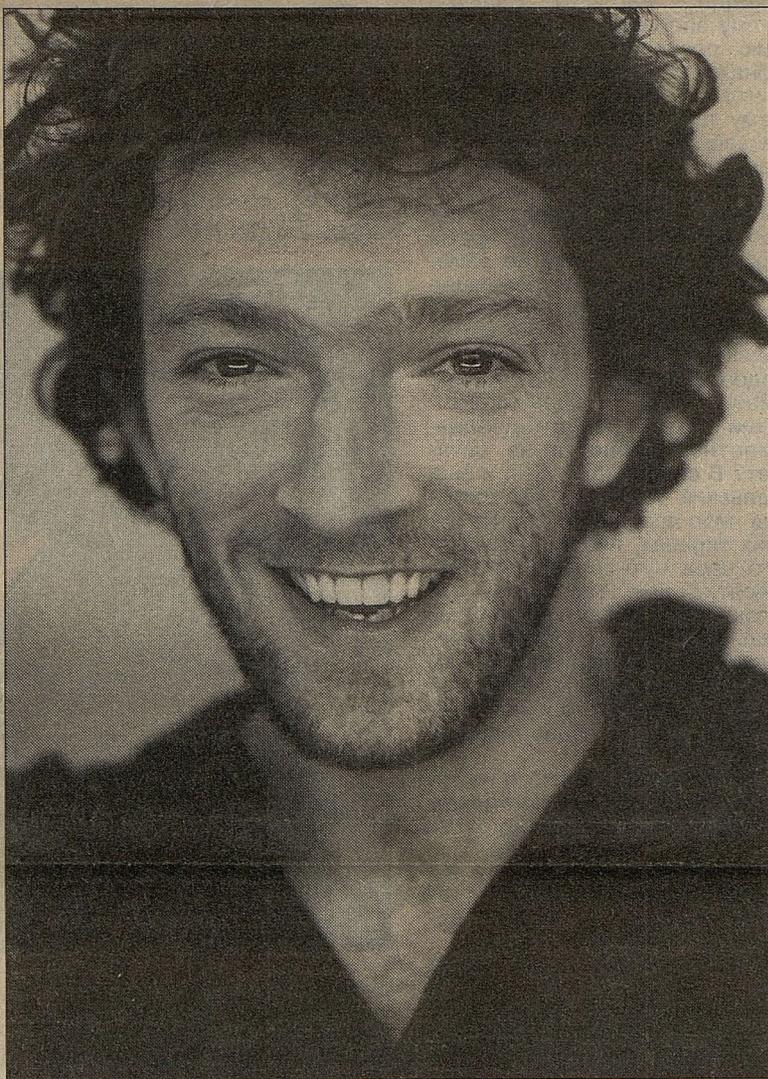
– Всего понемножку. Мне всегда нравилось гримироваться и прятаться за спиной персонажа. Но обстоятельства сложились так, что я снова оказался в одной упряжке с Матье. Поскольку вначале ему нечего было сказать о моем герое, который в сценарии совершенно не похож на героя романа, Матье просто сказал: “Этот полицейский – ты”. И мы оба поняли, что это довольно любопытный способ исследования героя. Раньше вы почти всегда видели меня в характерных ролях. Здесь Матье решил поставить меня в ситуацию, где я должен просто быть собой и реагировать на обстоятельства. Но в результате получился герой, который далеко не во всем похож на меня. Он скорее похож на меня в юности. А что касается вопроса о том, как я себя воспринимаю, могу сказать, что в последнее время я почти смирился с собой. Вокруг меня происходит столько всего, что я волей-неволей меняюсь. Но именно сейчас мне больше всего хочется играть характерные роли.

– До сегодняшнего дня характерные роли оставались вашими лучшими достижениями.

– На мой взгляд, лучше всего я сыграл в “Ненависти” и “Квартире”. “Квартира” не имела большого успеха, но я всегда буду любить и защищать этот фильм. Я снова буду сниматься у режиссера Жюль Мимунни весной в фильме “Притворщик”. Это потрясающая шпионская история. И потом, на съемках “Квартиры” я познакомился с Моникой.

– Вы не жалеете, что не продолжили линию романтического кино в своей фильмографии?

– Да, это моя вина. “Квартира” – первый мой фильм, в котором я

чувствовал, что эту роль мог бы играть в молодости мой отец Жан-Пьер Кассель. Но в то время мне ужасно хотелось идти в другом направлении. Наверное, мне стоит вернуться в романтическое кино.

– Как вы думаете, у людей сложилось верное представление о вас?

– Я не знаю, каким представляют меня люди, потому что я сам с трудом в себе разбираюсь. (Смех). Я все время играю разные роли, не люблю говорить о своей жизни, поэтому у людей нет четкого представления о том, кто я такой. Но зато режиссеры могут воображать меня в любой роли!

– Что-нибудь изменилось с того времени, когда вы только начинали сниматься в кино?

– Я стал спокойнее. Я увереннее себя чувствую. Я лучше осознаю, кем являюсь. Я лучше разбираюсь в том, как работает эта машина под названием “кинематограф”, я могу более умело себя подать. Я могу, наконец, объяснить, почему я когда-то принял то или иное решение, хотя в тот момент все происходило на подсознательном уровне. Наверное, я повзрослел.

– О чем вы мечтали в детстве?

– О, об очень многом – только не о лицедействе! Впервые я ощутил свою силу, когда в 16 лет начал заниматься танцами и акробатикой. Я шел по улице и воображал все возможности, которые передо мной открываются. Я чувствовал, что могу схватиться с жизнью врукопашную. Потом я стал заниматься театром у Ксавье Дюрренже, который помог мне ощутить те же чувства на сцене.

Потом – кино...

– Вы с детства были погружены в атмосферу кино. Помогло ли вам это, когда стали заниматься кино профессионально?

– Долгое время я комплексовал: мне казалось, что все видят во мне только сына знаменитости. Поэтому я изо всех сил стремился убежать как можно дальше от того имиджа, который воплощал на экране отец. Поверьте, быть сыном актера очень тяжело. Дело не только в том, что отца никогда не было дома. Дело в том, что такие люди – и я один из их числа – чрезвычайно зациклены на себе и своем внутреннем мире, на своей эволюции. Сегодня я, конечно, лучше это понимаю – равно как понимаю и преимущества статуса сына знаменитости. Мне повезло – у меня был нормальный отец, не чокнутый. В любом случае, его эцентричность никому не вредила. Отец научил меня множеству мелких полезных приемов. Кое-какие его советы только сейчас начали до меня доходить – а ведь он повторил мне их по много раз. Отец говорил, что очень важно уметь быть спокойным, сдержанным, уметь смиряться. Должен честно вам признаться, что многому я научился, наблюдая за отцом. Наверное, это прозвучит жестоко, но я считаю, что молодое поколение должно учиться на ошибках старших. Времена меняются, но остаются вещи, которые я не умею делать, а он, думаю, сумел бы. Я отдаю себе отчет в том, что обучился ремеслу, наблюдая за отцом. А ведь в то время я даже не знал, стану ли актером!

Жран и Сивера

Я хорошо помню его перебранки с агентом, моменты сомнений, времена, когда телефон звонил реже. Я пережил все это вместе с ним, и это дало мне бессознательное понимание профессии.

— Вас сблизило то, что вы оба занимаетесь лицедейством?

— Я впервые почувствовал духовное родство с отцом, когда однажды вернулся из какой-то забегаловки в 5 часов утра и увидел, как отец работает над текстом. И неожиданно мы заговорили о том, что близко нам обоим — потому что в то время я уже занимался театром. Неожиданно я увидел в отце не просто родственника, а личность.

— В каком возрасте вы решили, что хотите стать актером?

— В 15 лет я начал искать свой путь. Но мне хотелось играть в театре. К тому времени я уже пытался танцевать, но танцы казались мне слишком физическим способом самовыражения, более подходящим для выплескивания энергии, чем эмоций. В 16 лет я понял, что моя учеба пошла коту под хвост, и осознал, что пора брать свою судьбу в свои руки. Родители хотели записать меня в другую школу, но я смог убедить их отпустить меня в цирковое училище. Потом я поступил работать акробатом в труппу Рено-Барро. С этого момента я сам себя обеспечивал. Мне было 18 лет, я чувствовал себя совершенно свободным. Много учился на разных актерских курсах в Париже и в Нью-Йорке.

— Когда-то давно вы сказали, что отправной точкой вашей карьеры было желание стать знаменитым.

— Совершенно верно! Моим первым порывом было: “Я вам покажу! Вы все узнаете, кто я такой!” Но как только обретаешь хотя бы малую степень известности, приоритеты тотчас же смещаются. О славе забываешь, начинаешь открывать себя. С годами я понял, что хотел произвести впечатление не на других, а на самого себя.

— В ваших героях часто ощущается огромная жажда насилия.

— Во мне очень много подавленного насилия. Мне бывает очень стыдно, когда оно прорывается в реальной жизни. Я рад, когда есть фильмы, в которых можно выплеснуть это насилие наружу без риска кого-то обидеть. Именно кино помогло мне найти путь изгнания этих демонов. Раньше я разрывался между стремлением стать кем-то и страхом, что меня начнут узнавать, и я лишусь анонимности.

— Откуда в вас аппетит к персонажам-извращенцам?

— Из страха оказаться недостаточно глубоким. Я боялся, что меня сочтут поверхностным. Мне казалось, что для того, чтобы существовать на экране и быть интересным зрителям, я должен искать в самых глубоких пластах моей личности и находить самые странные и эксцентричные черты. Мне казалось, что только это может быть интересно. Все остальное представлялось мне слишком простым или банальным. Забавно смотреть, куда заводят тебя твои сомнения. Они приводят тебя прямо к отправной точке. В конце концов я понял, что вернулся как раз туда, откуда хотел убежать, только вместо молодого героя стал молодым злодеем.

— Как вы познакомились с Матье Кассовицем?

— В середине 80-х годов мы вместе гоняли на велосипедах. Это был период хип-хопа, начало рэп-вечеринки. Мы очень быстро подружились.

— Первым вашим значительным фильмом стала “Метиска”.

— По крайней мере, у меня впервые появилась возможность создать что-то, что было мне интересно. Матье играл главную роль. Он никогда не учился актерскому мастерству. Я был потрясен, когда впервые увидел его перед камерой. Это было невероятно. Для нас “Метиска” стала огромной игровой площадкой, и никто не указывал нам, что мы должны делать. Перед нами неожиданно распахнулось множество перспектив, это опьяняло.

— Когда Кассовиц предложил вам сниматься в “Ненависти”, вы сразу почувствовали, что у вас в руках бомба?

— Насчет бомбы не знаю. Но я сразу же почувствовал, что может получиться что-то очень важное. Мы делали именно то, что нам хотелось.

— Вы говорили, что огромный успех “Ненависти” сделал вас менее гибким и более подозрительным.

— Конечно, я представлял себе кое-какие издержки профессии, но одно дело представлять, а другое — испытать на собственной шкуре. Успех все вокруг тебя изменяет: улыбки, поведение людей. Меня это шокировало. Я даже был в депрессии, потому что неожиданно люди перестали воспринимать меня

наше желание быть особенными, стремление изменить мир. А вокруг уже столько исхоженных тропок, на которые тебя все время сталкивают. Если бы я не пытался бунтовать, меня наверняка записали бы в очередную “надежду французского кино”. А мне хотелось избежать этого. Избежать всего, чего от меня ждали. Кино гораздо шире и необъятнее, чем надежды наших критиков и академиков.

— Два года спустя после “Ненависти” и вы, и Матье Кассовиц попали в изгой. Его критиковали за “Убийц”, вас — за “Добермана”. Вы почувствовали себя отверженными?

— Нет, ни в коем случае.

— Вам не казалось, что система мстит вам?

— Что касается Матье, — несом-

таким, какой я есть. Такова сила образа. Но, надеюсь, слава не ударила мне в голову. Кино — не только внешние атрибуты, это еще и волшебство, а актер сродни кузнецу, хотя нельзя забывать об азах ремесла. Я считаю себя не столько художником, сколько ремесленником — хотя, конечно, мне хотелось бы считать себя прежде всего художником.

— Помню, я брал у вас интервью сразу же после выхода “Ненависти”. Вы очень переживали, чуть ли не до слез.

— Это был очень эмоциональный момент моей жизни. Проходит время, и ты начинаешь видеть прошлое в ином свете. Но когда внезапно осуществляются все твои мечты — это одновременно чудесно и страшно.

— Может быть, успех “Ненависти” стал для вас завершением какого-то важного периода?

— Я не пытался анализировать так глубоко. Вот Матье — он любитель анализировать. Он все время повторял: “Вот оно — мы прощаемся с нашей юностью!” Я понимал, что он имеет в виду, но не был с ним согласен. Я был уверен, что нас ждет еще много замечательных приключений. И оказался прав.

— В то время вы обожали посылать журналистов к черту. Это была провокация?

— Я и сегодня люблю посылать журналистов к черту. Хотя, конечно, сегодня я многое вижу в ином свете. В глубине души каждый из нас мечтает послать к черту все, что его раздражает. Мы отстаиваем

наше желание быть особенными, стремление изменить мир. А вокруг уже столько исхоженных тропок, на которые тебя все время сталкивают. Если бы я не пытался бунтовать, меня наверняка записали бы в очередную “надежду французского кино”. А мне хотелось избежать этого. Избежать всего, чего от меня ждали. Кино гораздо шире и необъятнее, чем надежды наших критиков и академиков.

— После “Добермана” вы несколько раз снялись на вторых ролях в англоязычных фильмах — в “Елизавете”, “Жанне д'Арк”. Это было попыткой защититься?

— Нет. Я хотел снять свой фильм.

— А что это за фильм?

— Очень мрачный фильм о жизни боксеров в Менильмонтане. Сегодня я уже не знаю, смогу ли когда-нибудь его снять. И есть ли у меня такое желание. Сейчас мне скорее хочется снять мюзикл! Я поставил две короткометражки, и ощутил такое удовольствие, что меня сразу же потянуло в полнометражное кино. Но чтобы снимать полнометражное кино, нужно много времени. Я должен был бы отказаться от “Пурпурных рек”, от “Братства волка”. Даже от “Девушки на день рождения” Джеза Баттеруорта. Этот фильм снимался в Австралии, моими партнерами были Матье и Николь Кидман.

— Как вы вообще попали в австралийский проект?

— После “Елизаветы” меня заметили в США. Однажды позвонил мой американский агент и спросил, не хотим ли мы с Матье сыграть русских кузенов Николь Кидман. Мы согласились и на два месяца отправились в Австралию. Николь познакомила нас с Томом Крузом. Забавно было...

— У вас нет ощущения, что вы и Матье являетесь ориентирами друг для друга?

— Не знаю. Но зато, поработав с такими разными режиссерами, как он, Кунен, Ган, Мимуни, Букриерф, я понял, что у меня есть собственный актерский стиль. Это придает мне силы, и хотя мне приходится работать в разных странах и на разных языках, я чувствую, что прочно стою ногами на земле. Я стараюсь не думать о том, что обычно пугает актеров: что ждет меня завтра, что со мной в конце концов станет. Мне кажется, что моя жизнь стала сегодня приключением под стать моему характеру. Конечно, мне хотелось бы снова работать с этими режиссерами, но мне также близки Каро, Жене, Мегатон, Гаспар Ноэ. Между нами есть что-то общее. Чувство, что мы принадлежим к одной волне — волне современного кино. В любом случае мне нравится это чувство клановости. Почему человек не может заниматься любимым делом с теми, кто ему нравится, раз есть такая возможность? Я часто вспоминаю о знаменитых тандемах актеров и режиссеров в мировом кино: Феллини/Мастройяни, Скорсезе/Де Ниро, Феррери/Пикколи. Эти истории заставляют меня мечтать. Обожаю истории о том, как идеи великих кинопроектов рождались в компании друзей за выпивкой в ресторане, или на кухне во время дружеской тратотни. Такова жизнь, такова дружба, и почему из этого не может рождаться настоящее кино?

— “Братство волка” — пятый фильм, в котором вы снимаетесь со своей женой Моникой Белуччи.

— Не считая короткометражек! Моника обладает всеми качествами, которые нравятся мне в актрисе. Посмотрите на нее в “Малене” Торнаторе. В Италии этот фильм имел колоссальный успех. В ней проявляются все лучшие черты итальянской женщины. Моника — актриса и женщина, которая ежедневно вдохновляет меня. Я не могу отказать от удовольствия сниматься с ней.

— Несколько лет назад вы сказали: “Я не понимаю ни ностальгии, ни стремления в будущее. Я полной грудью дышу в настоящем. Было бы глупо упускать что-то в текущем моменте”. До сих пор вам удается ничего не упускать?

— Если я что-то и упустил, то, очевидно, не заметил. Раньше мне все время казалось, что я не умею жить настоящим, что я все время отстаю от событий, что я не умею хвататься за те возможности, которые подбираются мне судьба. В результате я бросился в другую крайность. Недавно один мой приятель сказал: “Ты отдаешь себе отчет в том, как ты проводишь время, Венсан? Ты все время развлекаешься, играешь”. И действительно, я не могу усидеть на месте. Я должен либо работать, либо развлекаться... либо я иду кататься на коньках или бегать трусцой. Может быть, это и значит “жить текущим моментом”? Не знаю. Если я не знаю, что делать, обращаюсь к физическим упражнениям. Но сегодня я начинаю замечать и другие вещи. Сейчас в моей жизни многое меняется. Я женился совсем недавно, но уже понял, как важно сделать правильный выбор. Не только в браке — во всем.

— Чего вы ждете от жизни в настоящий момент?

— Мне хотелось бы проникнуться космическим сознанием. Научиться игнорировать глупые стороны повседневности. У меня немного отчужденный стиль жизни. Мне хотелось бы быть более раскованным, потому что я вижу, что становясь старше, человек задает себе все те же вопросы, живет все в том же дерьме и так же страдает. Вот почему я жду от жизни свободы. Но, черт побери, для этого нужно работать!